

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт языка и литературы

З.К. КАСЬЯНЕНКО – **УЧИТЕЛЬ И МОНГОЛОВЕД**

МАТЕРИАЛЫ

Международной конференции, посвященной
90-летию российского монголоведа З. К. Касьяненко

30 сентября – 1 октября, 2015 г.

Санкт Петербург

Санкт-Петербург
Улан-Батор
2016

МОРФОЛОГИЯ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ В КОНТЕКСТЕ АЛТАИСТИКИ: НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ПОДХОДЫ

***Аннотация.** Статья представляет обзор проблем сравнительно-исторической морфологии алтайских языков в контексте теории генетического родства алтайских языков, которая считается ныне доказанной и не имеющей каких-либо альтернатив. Новые работы по сравнительной морфологии тюркских и монгольских языков, по мнению автора, продолжают исследования В. Котвича, но в плане собственно морфологии являются чисто сопоставительными, по своим результатам они не влияют на идеи алтайской теории и свидетельствуют о том, что объем связей тюркских и монгольских языков на уровне морфологии был незначительным. Автор показывает исторические отождествления некоторых словообразовательных суффиксов и грамматических формантов в алтайских языках и предлагает новые подходы к идентификации исторически общих морфем в алтайских языках.*

***Ключевые слова:** алтайские языки, сравнительно-историческое языкознание, сопоставительное языкознание, фонетические соответствия, суффиксы, словообразование, словоизменение.*

Монгольские языки, прежде всего письменно-монгольский и современный монгольский, ценны для алтаистики своим материалом и весьма интересны для типологии. Не случайно именно монголоведение стало отправной точкой для сравнительно-исторических исследований алтайских языков для таких ученых, как Б. Я. Владимирцов, Г. Рамстедт, Н. Н. Поппе, В. Котвич. Именно монгольские языки вместе с корейским, японским и некоторыми другими языками, а не тюркские языки, должны считаться эталоном агглютинативных языков, так как эти языки не имеют личного спряжения и морфологической посессивности – основных категорий с многограммными финальными суффиксами. Пример А. А. Реформатского, призванный иллюстрировать свойства агглютинативных языков и взятый из казахского языка – *аттыларымга* ‘моим всадникам’ [Реформатский 2004, с. 275] не вполне корректен, потому что посессивный суффикс *-ым-* ‘мой’, сочетающий в себе две граммемы – лица и числа – занимает в словоформе даже не финальную позицию, как флексии, а предфинальную позицию.

Согласно Б. А. Серебрянникову, генетическое родство языков предполагает набор признаков, характерных для потенциальной языковой семьи, и в

отношении алтайских языков одним из таких признаков является суффиксальная агглютинация [Серебренников 1982, с. 28–29], хотя сам Б. А. Серебренников и считал сумму общих свойств алтайских языков недостаточной для признания родства – правда, вместе с привходящими факторами.

Монгольские языки давно и справедливо считаются самыми архаичными среди алтайских языков – долгое время по умолчанию, однако в последние годы эта мысль получила обоснование при оценке сравнительного объема изменений фонетической структуры слов и морфем в монгольских, тунгусо-маньчжурских и тюркских языках [Бурыкин 2014]. Архаика монгольских языков проявляется и в фонетической структуре слова, и в составе словообразовательных суффиксов и грамматических показателей, и во многом в лексике. Однако, как кажется, основным свойством агглютинативных языков является не категориальная однозначность суффиксов и не прозрачность морфологических границ. Исторически объединяющим свойством агглютинативных языков, похоже, является не это, а **единство или общность словообразовательных элементов для именных и для глагольных частей речи**. Это свойство агглютинативных языков – как алтайских, так и уральских – давно известно по материалам описательных грамматик, однако оно не было осмыслено ни в аспекте типологии этих языков, ни в плане дальней истории этих языков. Единство фонда словообразовательных и словоизменительных ресурсов для именных и глагольных слов (частей речи) прослеживается и в способах и средствах словообразования, и в использовании единого фонда грамматических показателей – например, применение падежных показателей для образования глагольных форм, универсальность использования посессивных показателей для оформления имен и нефинитных форм глагола и т.п.

Труды по морфологии монгольских языков (Н. Н. Поппе, Г. Д. Санжеев, Б. Х. Тодаева, Е. А. Кузьменков, З. К. Касьяненко, З. Д. Ульзетуева и др.) дают нам прекрасную материальную базу для исследований истории морфологического строя монгольских языков. На основании опыта исследований они могут быть обогащены тремя историко-типологическими обобщениями:

1) архаические падежные показатели обнаруживаются в наречиях и наречных формах местоимений, отчасти в разрядах числительных (см.: [Грунтов 2002]). Один из примеров – показатель разделительных числительных в тюркских языках *-ar/-er*, того разряда, которых обычно оформляются показателями орудного падежа, материально сходен с суффиксом орудного падежа в монгольских языках. Другой пример – эвенк. *тикин* ‘сейчас’, неотожествимое по форме, хотя и имеющее общий корень с эвенк. *т^нек* ‘сейчас’, имеет древний показатель косвенного, опять же инструменталь-

ного падежа *-ин*, ср. якут. *кыһын* ‘зима’ в сравнении с общетюркским *qıŷ* ‘зима’ – ни в тунгусо-маньчжурских, ни в тюркских языках такой падеж с этим показателем ныне не существует.

2) архаические падежные показатели выявляются в составе неличных форм глагола. Тюркская форма на *-мак*, являющаяся словарной формой глагола в огузских языках, состоит из показателя глагольного имени на *-ма-* и падежного показателя *-к*, имевшего значение, коррелирующее с пространственным; показатели продольного и направительно-продольного падежей в тунгусских языках *-ли-* и *-кли-* восходят к комплексам **-ла-к* и **кла-к* и состоят из двух морфем, из которых вторая ассимилировалась с гласным последнего слога.

3) многие морфологические показатели исторически являются составными и имеют в составе старые финальные морфемы и основы вспомогательных глаголов. Такова история глаголообразующего суффикса *-ла-* по Б. А. Серебренникову [Серебренников 1972], аналогичной является история форм множественности в тунгусо-маньчжурских языках, где инициальные элементы комплексов *-л-ла*, *-м-на*, *-н-на*, *-к-та*, *-к-са* (примеры из эвенкийского языка) и т.д. на самом деле являются конечными элементами именных основ [Цинциус 1946], а инвентарь ауслатных согласных тунгусо-маньчжурских языков, полученный при этом, соответствует набору конечных согласных в монгольских языках.

То, что история суффиксов в отдельных группах алтайских языков, в частности, в тюркских языках (наиболее проблемных для алтаистики и наиболее трудных для интерпретации), описывается как история комбинирования разных суффиксов, что было прослежено на материале истории аффиксов многократного действия в тюркских языках [Серебренников 1975]. Материал, который весьма перспективен для внешнего сравнения на общеалтайском уровне. По материалам показателей каузативности аналогичная работа была проделана И. В. Кормушиным [Кормушин 1978]. Столь же значимы работы Б. А. Серебренникова об истории, конкретно о составном характере показателя множественного числа *-лар* в тюркских языках [Серебренников 1970], по существу дискредитировавшие прием конфронтативного несходства алтайских языков на содержательном уровне, многократно использовавшийся для оспаривания родства алтайских языков. Статья Б. А. Серебренникова о суффиксе деноминативных глаголов *-ла-* в тюркских языках [Серебренников 1972], с одной стороны, решила важную проблему словообразования тюркских языков, с другой, не только не перечеркнула «алтайских» сопоставлений этого суффикса, наводивших алтаистов на разные заключения по этому поводу, но дала решение проблемы генезиса внешне сходных суффиксов, составленных из общих элементов,

в разных группах алтайских языков, поскольку и именной суффикс *-l-*, и глаголообразующий суффикс *-a-* известны не только в тюркских языках.

Обсуждая проблему генетического родства алтайских языков, Б. А. Серебренников обратил внимание на то, что для примеров, приводимых в трудах по алтаистике, характерна «удивительная сохранность» звукового облика слов, составляющих тюрко-монгольские параллели [Серебренников 1988, с. 35–36], то есть общеалтайская реконструкция Рамстедта-Поппе содержит очень мало нетривиальных дивергенций при не слишком большом объеме лексических и морфологических сходств. Мы согласны с автором, что такое положение не слишком ожидаемо для довольно далеко разошедшихся языковых групп. Однако тот же упрек можно с полным правом адресовать и тем, кто, отрицая родство алтайских языков и не интересуясь их альтернативной генеалогией, выявляет только «похожие» и «очень похожие» слова в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, называя их заимствованиями: почему-то эти заимствования осуществлялись из языков, весьма похожих на современные и не показывающих исторической эволюции.

О морфологии и лексике алтайских языков в этой статье Б. А. Серебренников говорит так: «Системы числительных в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках общих элементов не содержат»¹; «В глагольных системах тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков нет ничего общего»² [Серебренников 1988, с. 40].

Сравнительно-исторические исследования в области морфологии алтайских языков – область, которой фатально не везет с исследователями и со строгостью сравнительно-исторической методологии. Так, В. И. Рассадин и С. М. Трофимова во Введении и в Заключении к своей книге [Рассадин,

¹ Данное утверждение не вполне точно: наличие общего корня корень у монг. *dörben*. эвенк. *дыгин* ~ нан. *дуин*, и тюрк. *tört* ‘четыре’ было очевидным фактом. Ныне понятно, что монг. *dörben* точно соответствует эвенк. *дыги-нмэн*, эвен. *дыгэ-рмэн* ‘состоящий из четырех частей’, а тюрк. *tört* так же точно соответствует эвенк. *дыгэрэдэ*, эвен. *дыгэрдэ* ‘четверка’. Налицо и присутствие тюрк. *о:n* ‘десять’ не только в тюркских названиях десятков *seksän* ‘восемьдесят’ и *toksan* ‘девяносто’, но и в монгольских названиях десятков в виде *-in* (*tabin* ‘пятьдесят’ или *-an/-en* (*dalan* ‘семьдесят’, *jiren* ‘девяносто’)). Проблема этимологий алтайских числительных все же оказывается решаемой.

² Этот тезис также не бесспорен: в алтайских языках не совпадают словоизменительные парадигмы, но встречается довольно много элементов в глагольном словообразовании, образовании форм, называемых по традиции залоговыми и видовыми (каузативы, показатели совместности), среди показателей отглагольных имен, причастий и деепричастий.

Трофимова 2012, с. 4, 6, 151] воспроизводят ссылки на подсчеты сходств в морфологии тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, проведенные много лет назад В. Котвичем: «...на основе существующего, очень неполного материала можно вообще полагать, что в монгольском языке имеется около 25% лексических и 50% морфологических элементов, общих с тюркскими; в тунгусском чуждых (монгольских и тюркских) лексических элементов имеется, по-видимому, не более 10% а морфологических около 5%» [Котвич 1962, с. 351–352]. Сами авторы отмечают: «Это очень большие проценты сходства, нуждающиеся в уточнении» [Рассадин, Трофимова 2012, с. 151]. Эти данные, полученные на основе «очень неполного материала» и к тому же уже более 70 лет назад, часто повторяясь из статьи в статью (см. [Шербак 1968]), стали лейтмотивом некоей новой алтаистики контактного типа, создание которой приписали В. Котвичу позднейшие комментаторы его идей, и объектом спекуляций тех, кого сейчас называют контралтаистами, отрицавшими все и вся в проблематике родства алтайских языков и накладывавшими мораторий на проблемы отдаленного родства тюркских языков – как бы чего не вышло... Проблема тут заключается в том, что, если при работе с корнями-основами слов В. Котвич пользовался какими-то методами исторической фонетики и руководствовался какими-то фонетическими соответствиями, дифференцировавшими материал разных групп языков и отдельных языков, то в морфологических разделах своего труда он свел изложение к чисто формальному сопоставлению сходных суффиксов, не придавая значения фонетическим соответствиям. Это давно можно было увидеть, но ортодоксальные алтаисты не заметили таких особенностей понимания материала, а контралтаисты руководствовались принципом «чем хуже, тем лучше» – чем меньше наглядных сходств, тем меньше верящих в родство.

Критерии формального тождества или сходства, применяемые к морфологии, тем более к морфологии алтайских языков при их большой степени групповых сходств и столь же большей степени межгрупповых различий, могут вводить исследователей в заблуждение. Здесь ожидаемым является действие следующих факторов: расхождение в значении и мнимая аттракция изначально разных суффиксов, вторично приобретающих сходные значения, неразрешенная исследователями омонимия суффиксов, конвергенция суффиксов, которые изначально различались в формальном отношении, наконец, случайные совпадения и ошибки исследовательской интерпретации. Ярчайший пример – трактовка В. Котвичем формативов тюркских и тунгусо-маньчжурских порядковых числительных: тюрк. *-in-ci* (состоящий из притяжательного суффикса 3 л. ед. ч. и собственно суффикса порядковых числительных) сравнивался им с нанайским *-ci* [Kotwicz 1931,

с. 204–206] – где данный элемент имеет значение как раз посессивного показателя 3 л. мн. числа (ср. эвенк. *-тын*), а суффиксом порядковых числительных является показатель *-и* ~ *-ги* (ср. эвенк. *ил-и-тын* ‘третий’, эвен. *мя-ги-тан* ‘десятый’), часто полностью ассимилируемое.

По какой-то иронии судьбы представление материала монгольских языков в книге В. И. Рассадина и С. М. Трофимовой начинается с бурятского суффикса названий покрышек, футляров бур. *-пиша*, монг. *-bci* [Рассадин, Трофимова 2012, с. 12]. Параллели для него не указываются, но мы знаем, что аналоги ему есть в тунгусо-маньчжурских языках (эвенк. *-птун*, эвен. *-пан* и *-тинг*) тюркских языках (др.-тюрк. *bileziük* ‘браслет’) и корейском (ср. *карак* ‘палец’ – *каракчи* ‘кольцо’) [Бурькин 2000б]¹. Н. Н. Поппе, искавший фонетические соответствия в суффиксах, в свое время смог отождествить внешние несходные показатели имен орудия монг. *-уиг* и эвенк. *-вун*, чем предвосхитил обнаружение такой закономерности как замена всех ауслатных согласных в тунгусо-маньчжурских языках на согласный *-н* [Porre 1969] и дал пример возможности отождествления «непохожих» суффиксов.

Итак, один из подходов к сравнительно-исторической морфологии алтайских языков подсказан архаическим характером монгольских языков: суффиксы со структурой CCV(C) в монгольских языках должны приобрести вид CV(C) в тюркских языках за счет тотальной утраты первого компонента исходных сочетаний согласных, а в тунгусо-маньчжурских языках ауслатные согласные изменились в *-н*.

Другой подход, как ни парадоксально, подсказан материалом тюркских языков в том виде, в каком его описали Б. А. Серебренников и Н. З. Гаджиева [Серебренников, Гаджиева 1986] – в виде системы моноконсонантных суффиксальных элементов и гласного *а/э*, возможно, кореспондирующего с глагольной основой – справедливости ради к этому можно добавить гласный *и-*, который, судя по корейским материалам, так же мог представлять собой вспомогательный глагол. Этот подход в исторической перспективе

¹ Поразительны по пестроте разноязычные и разновременные формы заимствований тюркского слова *jüzük* «кольцо, перстень», «браслет» в тунгусо-маньчжурских языках: ср. *гилди* ‘кольцо’, *голди* ‘кольцо’, *горги* ‘пряжка’, *гучфу* ‘кольцо’, *кээзчи* ‘кольцо’, *чосхо* ‘кольцо’, *зугарка* ‘часть упряжи’, *гэптин* ‘наперсток’, *соноко* ‘наперсток’, *сорко* ‘наперсток’, *дурзи* ‘браслет’ [Сравнительный словарь 1975, 1977, заголовки статей]. Эти примеры отражают разные рефлексы начального *й-*, разные рефлексы сочетания *пт* ~ *пч* и оставшегося от него согласного *-z-* в тюркских языках, в какой-то части известные по документированному тюркским языкам, и варианты суффикса тунг.-маньчж. *-птин* ~ *-птун*, монг. *-вч*, тюрк. *-зуқ/-зük*, частично определяемые, частично принадлежащие неизвестным ныне языкам.

тюркских языков реализован для морфологии казахского языка в монографии Ж. О. Тектегул [Тектегул 2013].

При том же чисто конфронтативном подходе, которым пользуются В. И. Рассадин и С. М. Трофимова в отношении морфологии монгольских и тюркских языков и тех задачах, которые они ставят, в отличие от контралаистов – поиск явных морфологических последствий тюрко-монгольских контактов – результаты работы оказываются во многом ожидаемыми. Хорошо известно, что деепричастия, образуемые как падежные формы каких-то других отглагольных образований, в отдельных тюркских и тунгусо-маньчжурских языках по своему составу не совпадают даже между отдельными диалектами одного языка, не говоря о близкородственных языках – представителях разных групп. Авторы предполагают, что монгольское деепричастие на *-магц*, которое кажется составленным из тюркских формантов *-мак* и *-ча*, заимствовано из тюркских языков, как и формы на *-рун* и *-ра*, «эти формы могли проникнуть в монгольский старописьменный язык при переводе буддийских сутр с древнеуйгурского языка на старомонгольский и закрепиться в нем» [Рассадин, Трофимова 2012, с. 123]. Предполагаемой тюркской формы на *-макча* нет ни в грамматическом указателе к Древнетюркскому словарю, который фиксирует составные форманты, ни в корпусе этого словаря, ни в древнетюркской грамматике А. фон Габен. В книге В. М. Насилова «Язык тюркских памятников уйгурского письма XI–XV вв.», указана форма на *-гынча*, которая есть и в огузских языках (в азербайджанском *-јынча*) [Насилов 1974, с. 51–52], но это не тот суффикс. Равным образом монг. *суваг* ‘канавы, канал’ иногда считается тюркизмом – но такого слова нет в тюркских языках. Вопрос, адресуемый в подобных случаях контралаистам: можно ли унести из дома черную кошку, если ее в доме не было?

Что значит все сказанное?

Во-первых, никакие морфологические различия, ни материальные, ни структурные, сами по себе критериями родства или неродства языков являться не могут.¹ Во-вторых, сходство структур ничего не говорит о родстве или неродстве языков. В-третьих, материальное сходство морфемного инвентаря обычно указывает на родство языков, а не на контакты (хотя

¹ Например, глагольное словизменение по лицам и числам (спряжение) есть во всех тюркских языках, но утрачено в саларском; при отсутствии его в древних монгольских памятниках и современном монгольском языке оно есть в бурятских диалектах и в калмыцком языке; при наличии различающихся моделей спряжения в тунгусских языках спряжение глагола отсутствует в маньчжурском языке, не было его и в языке образцов малого чжурчэньского письма – судя по всему, по данному признаку маньчжурский язык оказывается архаичнее тунгусских языков.

возможно, что специфические тунгусские падежные показатели, не имеющие алтайских аналогий, заимствованы из чукотско-корякских языков, где аналогии им находятся).

Новая задача исследования алтайской морфологии – поиски и объяснение сходств морфем всех пяти групп алтайских языков, поскольку иные исторические трактовки (случайность сходств, некорректность сравнений, заимствования) более не являются приемлемыми. В материальном отношении морфология алтайских языков восстанавливается как набор моноконсонантных показателей *-l-, -r-, -k-, -m-, -n-, -dz-, -c-, -p-, -t-, -d-*, и по крайней мере одной моновокальной морфемы *-a-/-e-*. Типологически и, возможно, исторически ближайшими для архаического состояния общеалтайской морфологии являются японские «ганио», близкие по семантике и функции к падежным показателям, но не имеющие привязки к определенным типам слов и к месту в словоформе или предложении. Как раз такие свойства морфем на позднейших этапах эволюции могли привести к тождеству или значительному сходству инвентаря именного и глагольного словообразования, а равно именного и глагольного словоизменения в монгольских, тунгусо-маньчжурских и тюркских языках.

Список сокращений

бур. – бурятский язык
др.-тюрк. – древнетюркский язык
монг. – монгольский язык, монгольские языки.
нан. – нанайский язык
тунг.-маньчж. – тунгусо-маньчжурские языки
тюрк. – тюркские языки
эвенк. – эвенкийский язык
эвен. – эвенский язык
якут. – якутский язык

Список литературы

1. Бурькин 2000а: Бурькин А. А. Из сравнительно-исторического словообразования в алтайских языках: монгольский суффикс *-bcī* (калм. *-вч*) и его эквиваленты в тунгусо-маньчжурских, тюркских и корейском языках // Владимирцовские чтения IV. Доклады и тезисы Всероссийской научной конференции (Москва, 15 февраля 2000 г.). М., 2000. С. 16–20.
2. Бурькин 2000б: Бурькин А. А. О месте тунгусо-маньчжурских языков в алтаистических исследованиях // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. М., 2000. С. 12–16.

3. Бурыкин А. А. 2014: *Бурыкин А. А.* О взаимном соотношении отдельных групп алтайских языков и об относительном объеме изменений в отдельных группах алтайских языков: «древние», «новые», и «новейшие» алтайские языки // Вестник Угроведения № 4 (19) 2014. С. 21–33.
4. Грунтов 2002: *Грунтов И. А.* Реконструкция падежной системы праталтайского языка. Дис. ... канд филол. наук. М., 2002.
5. Кормушин 1978: *Кормушин И. В.* Каузативные формы глагола в алтайских языках // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978. С. 10–87.
6. Кормушин 1984: *Кормушин И. В.* Системы времен глагола в алтайских языках. М., 1984.
7. Кормушин 1991: *Кормушин И. В.* Проблемы реконструкции пратюркского глагола: темпоральная система, ее истоки и преобразования. М., 1991.
8. Котвич 1962: *Котвич В.* Исследование по алтайским языкам. М., 1962.
9. Насилов 1974: *Насилов В. М.* Язык тюркских памятников уйгурского письма XI–XV вв. М., 1974.
10. Рассадин, Трофимова 2012: *Рассадин В. И., Трофимова С. М.* О соотношении монгольских и тюркских грамматических элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности. Элиста: Издательство Калмыцкого государственного университета (КГУ), 2012. – 180 с.
11. Реформатский 2004: *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. 5-е изд. М., 2004.
12. Серебренников 1970: *Серебренников Б. А.* О некоторых частных деталях образования суффикса множественного числа *la* в тюркских языках // Советская тюркология, 1970, № 1. С. 47–53.
13. Серебренников 1972: *Серебренников Б. А.* К истории суффикса деноминативных глаголов *-la-* в тюркских языках // Советская тюркология, 1972. № 5. С. 64–68.
14. Серебренников 1975: *Серебренников Б. А.* Причины резкого уменьшения числа аффиксов многократного действия и сокращения сферы их употребления в тюркских языках // Советская тюркология, 1975, № 6. С. 3–10.
15. Серебренников 1982: *Серебренников Б. А.* Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков // Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства. М.: Наука, 1982. С. 6–62.
16. Серебренников 1988: *Серебренников Б. А.* Критерии выделения алтайской языковой общности // Проблемы монгольского языкознания. Новосибирск: Наука, 1988. С. 33–41.

17. Серебренников, Гаджиева 1986: *Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. 2-е издание, М.: Наука, ГРВЛ, 1986.

18. Сравнительный словарь 1975: Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I. Л., Наука, 1975.

19. Сравнительный словарь 1977: Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. II. Л., Наука, 1977.

20. Тектигул 2013: *Тектигул Ж. О.* Эволюция общетюркских аффиксов в казахском языке [Текст]: монография: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 10.02.06 – «Тюркские языки» / Ж. О. Тектигул; Российская акад. естествознания. М.: Изд. дом акад. естествознания, 2013. – 277 с.

21. Цинциус 1946: *Цинциус В. И.* Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках // Ученые записки ЛГУ, 1946, т. 69, серия филологических наук, вып. № 10. С. 73-119.

22. Щербак 1968: *Щербак А. М.* О тюрко-монголо-тунгусских связях и морфологии // Народы Азии и Африки. 1968, №1. С. 104–116.

23. Kotwicz 1931: *Kotwicz W.* Contributions aux études altaïques. II. Les noms de nombres // Rocznik Orientalistyczny, Vol. VII (1929–1930), 1931. P. 152–221.

24. Poppe 1969: *Poppe N.* Mongolian *-yur* and Evenki *-wun*. // Central Asiatic Journal v. XIII, 1969, № 4. P. 253–262.

A. A. Burykin

MORPHOLOGY OF THE MONGOLIAN LANGUAGES IN A CONTEXT OF ALTAISTICS: SOME NEW APPROACHES

Abstract. *The article represents the review of problems of comparative-historical morphology of the Altaic languages in context of the theory of genetic affinity of the Altaic languages which is considered nowadays proved and having no any alternatives. New works on comparative morphology of Turkic and Mongolian languages, according to the author, continue V. Kotwicz's researches, but in respect of actually morphology are purely confrontative, by their results they do not influence the ideas of the Altaic theory and testify that the volume of communications of Turkic and Mongolian languages at morphology level was insignificant. The author shows the historical identifications of some word-formation and grammatical suffixes and grammatical elements in the Altaic languages and offers new approaches to the identification of the historically general morphemes in the Altaic languages.*

Keywords: *The Altaic languages, comparative-historical linguistics, confrontative linguistics, phonetic correspondences, suffixes, word-formation, grammar.*